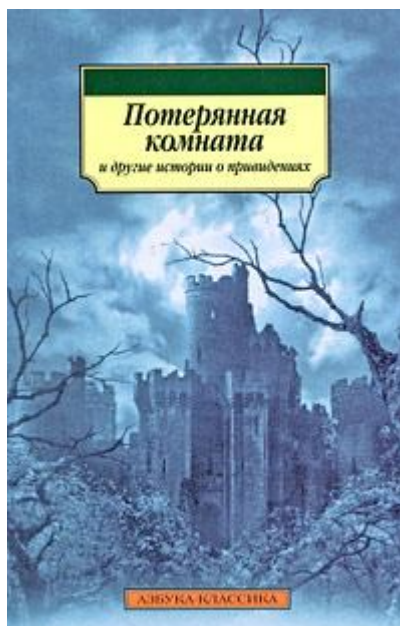

Эдмунд Гилл Суэйн Восточное окно

Эдмунд Г. Суэйн ВОСТОЧНОЕ ОКНО

Если случалось Вермюйдену с голландцами¹, что осушили болота, сотворить что-нибудь полезное, память об этом сошла с ними в могилу. А вот зло, ими содеянное, живо по сию пору. Обмелевшие по их милости реки заросли в конце концов илом, осушение одного участка земли обернулось заболачиванием другого.

Местечки вроде Стоунграунда, расположенные по берегам этих несчастных рек, стали беспомощными жертвами голландского инженерного искусства. Естественный сток перекрыт, река подтапливает участки местных жителей. Состоятельные собственники садов обнаружили, что их уголья из прибрежных сделались придонными: летнее наводнение губит нередко весь урожай.

Одно из таких наводнений, в самом начале двадцатого века, обернулось для Стоунграунда настоящей катастрофой, и мистер Батчел (сам будучи садоводом, он мог оценить размеры ущерба, понесенного его менее состоятельными соседями) начал хлопоты с целью предоставить пострадавшим компенсацию.

Деньги, однако, в Стоунграунде не залеживаются, и средства, бывшие на сей раз в его распоряжении, оказались совершенно недостаточными. Похоже было, что всякий, потерявший руд картофеля, получит возмещение не более чем за ярд².

Именно в те дни, когда мистер Батчел скорбел из-за неудачи своего благого начинания, и произошло счастливое приключение, в котором сыграло столь странную роль восточное церковное окно.

Прежде чем приступить к рассказу о нем, необходимо это окно вкратце описать.

¹ *Если случалось Вермюйдену с голландцами...* – Сэр Корнелиус Вермюйден (1590–1677) – голландский инженер, применивший голландские методы мелиорации земель для осушения болот Восточной Англии.

² *...руд картофеля, получит возмещение не более чем за ярд.* – Руд – единица длины в английской системе мер, равняется семи или восьми ярдам (ярд – мера длины, равная 3 футам или 914,4 мм).

Больших размеров витраж был изготовлен в период упадка этого вида художеств. Как рисунок, так и краски оставляют желать лучшего. Сам замысел, однако, основан на весьма благотворной традиции. Пять крупных панелей в нижней части отданы под пять сцен из жизни Спасителя, на второй из них, считая с севера, высится в рост фигура святого Иоанна Крестителя, именем которого освящена церковь. Она единственная имеет отношение к нашему рассказу.

Как было уже упомянуто, мистер Батчел обладал некоторыми познаниями в музыке. Он живо интересовался церковным хором и посещал едва ли не все репетиции; при отсутствии регента мистер Батчел успешно его заменял. Согласно давнему заведению, стоунграундский регент, дабы не доставлять лишних хлопот церковному сторожу, после репетиции сам гасит в церкви свет и запирает двери. Само собой, в случае надобности мистер Батчел брал на себя и эти обязанности.

Читателю будет полезно узнать эту процедуру в подробностях. В одном из нефов церкви стоял большой газомер, и мистер Батчел обычно, прежде чем его выключить, обходил церковь, гася все огни, кроме одного. Последним всегда оставался светильник, ближайший к алтарной двери (до него можно было дотянуться с сиденья на хорах); опыт показывал, что мистер Батчел вполне успевал к нему от газомера, прежде чем огонь потухнет. Легче легкого было после этого повернуть выключатель, отыскать в потемках дверь и запереть церковь на ночь.

В тот вечер, о котором идет речь, певчие, получив позволение, с обычной поспешностью разошлись. Мистер Батчел задержался, чтобы собрать брошенные ими как попало книжечки и описанным выше порядком погасить свет. Но едва он выключил последний светильник и осторожно начал спускаться с сиденья, взгляд его упал на фигуру Крестителя. На улице еще хватало света, чтобы различить изображения в восточном окне, и мистеру Батчелу было видно, как святой Иоанн, повернувшись к нему лицом, выпрямил правую руку и указал на север. Повторив это движение три раза, фигура застыла в прежней привычной позе.

Читатель не подумает, конечно, будто нарисованная на стекле фигура внезапно обрела подвижность, — не подумал этого и мистер Батчел. Однако в том, что она двигалась, сомневаться не приходилось, и мистер Батчел не был настолько лишен любопытства, чтобы не предпринять расследование. Не забывайте также, что приключение в старой библиотеке (о нем рассказывалось выше) научило его обращать внимание на знаки, от которых кто-нибудь другой предпочел бы отмахнуться. Поэтому мистер Батчел не собирался ставить в этом деле точку. Он был готов принять тот факт, что всему виной обман зрения, но что породило иллюзию? Это мистер Батчел вознамерился выяснить. На первый вопрос ответ нашелся сразу. Если сама фигура Крестителя оставалась неподвижной, значит, шевелилось что-то позади нее. Поэтому мистер Батчел без промедления вышел за порог и запер за собой дверь, дабы исследовать окно с внешней стороны.

Нет в Стоунграунде ни одного обитателя, кто не знал бы о разрушении главного дома старинного поместья и не скорбел бы о нем. Около пятнадцати лет назад дом сгорел, и от этого бедствия приход так и не оправился. Вскоре после гибели дома поместье попало в руки перекупщикам, которые не сумели сделать с ним ничего путного, и целое десятилетие, а то и больше, оно пустовало, отданное на милость природы и посторонних людей. Обугленные развалины дома все еще возвышаются среди груд камней, которые давно уже заросли обычными для пустыря сорняками; на месте величественного строения с садом и парком не осталось ничего, кроме унылых руин.

Стоунграундская церковь была построена шесть веков назад внутри ограды поместья или, как выражались в старые времена, при погосте, причем необычно близко к дому (чему причиной превосходный пласт гравия, которым строители не могли не соблазниться). В дни допотопной простоты это, вероятно, никого не смущало, но время шло, прогресс наступал — в обществе возникло представление о том, что нельзя валить все в одну кучу. Соответственно, перед кладбищем возвели основательную каменную ограду, достаточно

высокую, чтобы изолировать его от дома.

Преобразования были сделаны с учетом того, что требовалось экономить место. Церковь своей восточной стеной уже вторгалась глубоко в сад; от южного фасада дома ее отделяло не более пяти десятков ярдов. Поэтому кладбищенскую ограду здесь строить не стали. Она проходила с севера до ближайшего угла церкви, далее следовало само церковное здание, и от южного угла – снова ограда. Восточная церковная стена и окно выходили непосредственно в сад сквайра. По фасаду вился его плющ, сень его деревьев по утрам защищала окно от солнечных лучей.

Пока мы восстанавливали в памяти эти обстоятельства, мистер Батчел выбрался из церкви и через кладбище достиг дверцы в ограде, примыкавшей к юго-восточному углу алтарной части. Эту дверцу добавил в предыдущем столетии один из сквайров для своего и домохозяев удобства. Она давно уже не использовалась, и мистеру Батчелу пришлось потрудиться, чтобы ее открыть. В конце концов он оказался по ту сторону и принялся изучать вторую панель витража. Луна светила довольно ярко, позволяя хорошо рассмотреть темную поверхность стекла, а также фигурную решетку, его защищавшую.

Напротив окна находились нижние ветви высокой березы, росшей на старом кладбище, ее серебристая кора поблескивала при лунном свете. Листья уже облетели, и мистер Батчел почти без помех видел фигуру Крестителя в ее свинцовом обрамлении. Однако заинтересовавший мистера Батчела вопрос: что же там такое шевелилось – оставался без ответа. Слегка разочарованный, он готов был уже повернуть домой, но тут луна затмилась облачком и наступила полутьма, такая же, как тогда, в церкви. Окно и все вокруг темнело, и, когда Креститель совсем исчез из виду, глазам мистера Батчела представилась совсем иная картина: на сук то ли легонько опирался, то ли парил над ним некий туманный белесый образ, занимавший почти то же место, что и изображение святого.

Едва ли это можно было назвать человеческой фигурой. Скорее полуфигурой: мистеру Батчелу, любителю виста, пришло в голову причудливое сравнение с валетом из карточной колоды, когда его диагональный собрат скрыт лежащей сверху картой.

О том, чтобы пойти домой, теперь не могло быть и речи. Взгляд мистера Батчела был прикован к видению. Когда луна проглянула в разрыв между облаками, оно на миг исчезло, но вслед за новым облачком явилось опять. Единственная рука трижды поднялась, указывая на север, на развалины дома, – точь-в-точь жест Крестителя, замеченный мистером Батчелом в церкви.

Само собой, при виде этого мистеру Батчелу ничего не оставалось, как шагнуть к дереву (он стоял чуть поодаль), видение при этом слетело вниз и в сторону, замерев между ним и руинами дома, не на земле, а немного выше, как если бы в землю упиралась нижняя, отсутствующая часть фигуры. Судя по всему, призрак поджидал мистера Батчела, и тот по мере сил, путаясь в плюще и ежевике, поспешил следом, но, стоило ему сделать очередной шаг, как призрак отлетал дальше, к развалинам.

Выбравшись на более гладкую дорогу, мистер Батчел зашагал быстрее. Вскоре перед ним оказался травянистый участок, в лучшие времена бывший лужайкой, но призрак и тут не остановился, и мистер Батчел с надлежащей почтительностью продолжил преследование. В конце концов призрак замер на вершине большой груды каменных обломков, подпустил мистера Батчела поближе и скрылся в щели между двумя большими камнями.

Луна на время выглянула из-за облаков, и мистер Батчел разглядел эту щель и воспользовался светлым промежутком, чтобы пометить ее местоположение. Найдя под ногами крупную ветку, он укрепил ее в щели, расщепил свободный конец и вставил туда одну из бывших при нем церковных бумаг. Теперь не могло быть сомнений, что щель не потеряется – ведь мистер Батчел собирался вернуться сюда при дневном свете и продолжить разыскания. На сегодня же как будто все было закончено. Снова надвинулся сумрак, но необычная фигура не показалась, и мистер Батчел, немного помедлив, отправился домой, к своим повседневным занятиям.

Он не принадлежал к тем людям, кого может выбить из привычной колеи

какое-нибудь, пусть даже захватывающее, приключение; не принадлежал и к тем, кто в любом необычном опыте видит признаки нервной болезни. Мистер Батчел был человек широких взглядов и потому верил свидетельству собственных чувств, даже если они расходились с наблюдениями других людей. Если бы его в тот вечер кто-нибудь сопровождал и не увидел бы всего, что открылось мистеру Батчелу, викарий сделал бы вывод, что ему была отведена в этом деле более значительная роль, чем его спутнику.

И вот на следующее утро он без промедления вернулся туда, где побывал накануне. Отметка оставалась на месте, и мистеру Батчелу удалось исследовать щель, куда, по видимости, просочился призрак. Она находилась меж двух больших камней, на самом верху груды обломков, и за эти камни и взялся мистер Батчел. Задача оказалась только-только ему по силам. Опустив камни на землю по разные стороны холмика, он начал разбирать руками обломки и обнаружил среди них две тусклые, почерневшие серебряные монеты.

Эта находка никоим образом не объясняла ночное происшествие, но мистер Батчел, естественно, предположил, что призрак намеревался привлечь к монетам его внимание; он забрал их, дабы в дальнейшем пристально рассмотреть. Дома, поднявшись в спальню, он плеснул воды в тазик для мытья рук и с помощью мыла и щеточки для ногтей счистил с монет грязь. Через десять минут, добавив в воду нашатырного спирта, он довел их до блеска и хорошенько высушил, после чего можно было приступить к изучению. Это оказались две кроны времен королевы Анны³, отчеканенные (судя по буквочке «э») в Эдинбурге, с розами и плюмажами, что указывало на английское и валлийское происхождение серебра. Дата отсутствовала, однако мистер Батчел, не колеблясь, отнес монеты приблизительно к 1708 году. Находка была красивая и сама по себе очень интересная, однако что бы она значила? Это оставалось неразрешимой загадкой. Мистера Батчела ждала другая работа, и он, положив монеты на туалетный столик, забыл о них.

Весь вечер он почти не вспоминал о монетах и лишь перед отходом ко сну взял их в руки, чтобы еще раз полюбоваться ими при свечах. Не открыв для себя ничего нового, он отправил обеих «анн» почивать на столике, а вскоре и сам приготовился ко сну.

У мистера Батчела была привычка засыпать с книгой. В ту пору ему как раз случилось перечитывать романы автора «Уэверли», и на пюпитре при кровати у него лежал «Вудсток»⁴. Дойдя до искусно подстроенного «явления призрака», он, естественно, спросил себя, не попался ли он сам на ту же удочку, однако вскоре заключил, что в его случае ни о каком трюке речь не шла. Тотчас забыв о своем приключении, он вернулся к роману.

На сей раз, однако, чтение наскучило ему прежде, чем начали смыкаться веки; сон никак не приходил, а когда пришел, то ненадолго. Собственно, ночь у него выдалась на редкость беспокойная. Снова и снова – приблизительно каждый час – он пробуждался от смутного сознания, что в комнате кто-то есть.

В одно из последних пробуждений он ясно различил какой-то звук или, как он это назвал про себя, «призрак» звука. Мистер Батчел сравнил этот звук с поскуливанием собаки, которой отказал голос. Это было не очень вразумительное сравнение, но более или менее соответствующее истине. От этого подобия звука мистер Батчел сперва сел в постели и внимательно огляделся, а потом, ничего не обнаружив, зажег свечу. Не то чтобы он ожидал от нее какого-нибудь толку, но, во всяком случае, в комнате стало уютнее, и мистер Батчел погасил свечу не сразу, а еще с полчаса читал.

Больше помех не было, но, когда наступило время подниматься, мистер Батчел смутно чувствовал, что скверно провел ночь. Едва ли не с удивлением он убедился в том, что

³ ...две кроны времен королевы Анны... – Анна Стюарт (1665–1714), английская королева (с 1702 г.), последняя из династии Стюартов.

⁴ ...романы автора «Уэверли», и на пюпитре при кровати у него лежал «Вудсток». – Речь идет об основоположнике исторического романа Вальтере Скотте (1771–1832) и его романах «Уэверли, или Шестдесят лет тому назад» (1814) и «Вудсток, или Кавалер» (1826).

монеты никуда не делись. Он проверил их сразу, как только встал. Он бы, наверное, даже обрадовался, если бы они исчезли; во всяком случае, обрадовался бы любой перемене, если бы она помогла объяснить его приключение. Однако все было по-прежнему. Если ночью здесь побывал гость, монеты его как будто не интересовали.

Мистер Батчел опять оставил две кроны на столе и принялся за свои обычные обязанности. Последние были такого свойства, что вытеснили все посторонние мысли, и о монетах он вспомнил только перед сном. Он твердо намеревался вернуться к куче обломков, где были найдены монеты, но времени для этого так и не выкроил. Монеты он больше не трогал. Раздеваясь, он попытался прикинуть их стоимость, но отвлекся мыслями на что-то другое. Вскоре он улегся в постель, надеясь на этот раз выспаться лучше.

Но его надежды не оправдались. Через какой-нибудь час его вновь разбудил хорошо знакомый безголосый вой. Звук (за неимением лучшего будем употреблять это слово) упорно не смолкал. Мистер Батчел понял, что заснуть не удастся, и, все более тревожась, решил встать и одеться.

И тут у него зародилась догадка, потому что в тот же миг звук оборвался. Кто-то словно бы того и добивался, чтобы он встал. Отсюда следовало заключить, что от него чего-то желали – и в эту ночь, и в предыдущую. Мистер Батчел был не такой человек, чтобы не откликнуться на призыв о помощи. Даже в подобных невероятных обстоятельствах, раз в нем нуждались, он был готов действовать. Вознамерившись вернуться к главному дому поместья, он полностью оделся, спустился вниз, накинул на себя теплое пальто, вышел в дверь холла и прикрыл ее за собой, и все это время вокруг было тихо.

За порогом его подозрение сменилось уверенностью. Стало окончательно ясно, что с постели мистер Батчел поднялся не просто так, а по призыву: в тридцати ярдах перед ним маячила странная кремовая полуфигура, двигавшаяся к развалинам. По мере сил мистер Батчел поспешил за ней; как прежде, ему мешали плющ и сорные травы, и фигура медлила, его поджидая, и, как прежде, она исчезла, подведя его к знакомой грудке обломков.

Под главным домом не существовало ни темниц, ни других подземных помещений. Это был обычный жилой дом, о чем свидетельствовали все особенности постройки. Мистер Батчел не сомневался, что приключение примет отнюдь не романтический оборот, и несколько досадовал оттого, что его треугольный друг (как он начал называть призрака) снова скрылся из виду. Если этот друг чего-то добивается, почему же он столь малодушно исчезает? Однако делать было нечего, только ждать его нового появления.

В кармане у мистера Батчела имелась трубка, и он, не выпуская из виду ту самую грудку обломков, уселся на основание солнечных часов. Набил трубку, закурил, ежеминутно ожидая какого-нибудь знака, но тщетно. В кустах поблизости шуршали ежи, над головой пели птицы – вот и все. Мистер Батчел выкурил вторую трубку – и ничего. Выбив ее о ботинок, он вернулся к холмику, рядом с которым валялась помеченная ветка, сунул ее в щелку, где скрылся призрак, и отправился восвояси, где его ждали постель и – в качестве награды за труды – пять часов здорового сна.

Мистер Батчел дал себе слово, что на следующий день так или иначе разберется в происхождении. С утра пораньше он явился к главному дому поместья, на сей раз с садовой киркой и лопатой. Убрав пометку и воткнув в холмик кирку, он разгреб сверху мелкий мусор. То вручную, а то лопатой он быстро срыл половину кучи, обнаружив при этом еще несколько монет.

Среди них было еще три кроны, две полукроны и около дюжины более мелких монет. Все это мистер Батчел аккуратно завязал в платок, немного передохнул и продолжил раскопки. От кучи, как выяснилось, оставалось всего ничего. Далее на свет божий появилось несколько дубовых реек длиной около девяти дюймов, а потом (мистер Батчел уже этого ждал) крышка шкатулки с сохранившимися на ней петлями. Она лежала доньшком кверху на плоском камне, почти не запачканная (в чем мистер Батчел убедился, взяв ее в руки); над длинной и широкой прорезью в крышке виднелась золоченая надпись: «В пользу неимущих»; изящный рисунок букв, старинное правописание свидетельствовали о ее

двухвековой давности.

Мистер Батчел не долго раздумывал о том, что бы все это значило. Что шкатулка с содержимым попала сюда при обрушении стены, было вполне очевидно. Не менее очевидным представлялся факт, что она была спрятана в одной из разрушенных пожаром стен, и мистер Батчел нисколько не сомневался, что судьба свела его с вором, укравшим некогда в церкви копилку для пожертвований. Задача была выполнена, дальнейший осмотр ничего не дал. Тщательно собрав обломки шкатулки, мистер Батчел ушел.

Дальнейшие его действия оправдать невозможно. Он не мог не знать, что монеты являются «найденным кладом» и посему принадлежат короне. Несмотря на это, он вознамерился обратить их в современную наличность (как это сделать, ему было хорошо известно) и внести в Фонд пострадавших от наводнения, о котором так пекся. Словно монеты были его собственностью, он очистил их так же, как две первые кроны, отослал в Лондон своему другу-антиквару, чтобы тот их продал, и стал ждать ответа. Крышку от копилки он хранит до сих пор в качестве памятки о своем приключении.

Друг-антиквар не долго томил мистера Батчела ожиданием. Покупатели нашлись мгновенно, и цена превзошла самые смелые надежды мистера Батчела. Пакет ушел в Лондон в субботу. А уже в следующий вторник с последней вечерней почтой прибыл чек на двадцать гиней. В лежавший на столе подписной лист Фонда тут же была внесена запись о взносе, но что к ней добавить, мистер Батчел решил не сразу. Рядом с графой «сумма», где числился двадцать один фунт, он оставил пустую строчку, дабы означить дарителя позднее, когда поразмыслит на досуге, как это сделать.

Удаляясь на покой, он оставил лист с записью на столе. Когда мистер Батчел раздевался, ему пришло в голову, что вполне уместно будет назвать эти двадцать гиней «возмещением», каковое слово он и решил внести в пустую строчку. Но утром, вновь поразмыслив, он передумал и прямо из спальни поспешил к письменному столу, чтобы сделать наконец запись и забыть о ней.

Однако произошло то, на что мистер Батчел никак не рассчитывал. Подойдя к столу, он с удивлением обнаружил, что строчка уже заполнена. Неразборчивым продолговатым почерком там было обозначено: «Наконец! Матф. Ст. 26».

Удивительней всего было то, что почерк показался мистеру Батчелу знакомым, но откуда, он сообразил не сразу. Однако память на такие вещи у мистера Батчела была редкостная, и еще до завтрака он сумел с уверенностью установить автора.

И мистер Батчел не ошибся. Направившись прямоиком к сундуку с приходскими записями, содержимое которого полностью изучил в последний раз, когда выкроил для этого время, он извлек оттуда сверток с отчетами констеблей. На поиски нужного почерка ушло не более пяти минут. Это, несомненно, была рука Салатиэля Трапстона, служившего констеблем в 1705–1710 годах и встретившего смерть при исполнении служебного долга. Едва ли необходимо напоминать читателю соответствующее место из Евангелия:

«Ты не выйдешь отсюда, пока не отдашь до последнего кодранта».